

УДК 94(47)063, 065, 066; 94 (574); 94 (575.1)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.10

Почекаев Роман Юлианович

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, доцент
Высшая школа экономики
Санкт-Петербург, Россия

rpochekaev@hse.ru; ORCID: 0000-0002-4192-3528

ХИВИНСКИЙ ФАКТОР РОССИЙСКО-КАЗАХСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVIII–XIX ВВ. ЧАСТЬ 2: КАЗАХСКИЕ ХАНЫ — ВАССАЛЫ ХИВЫ¹

Аннотация. Статья посвящена анализу статуса казахских ханов, находившихся под сюзеренитетом Хивинского ханства в конце 1810-х – начале 1870-х гг. Выявляются причины принятия казахскими султанами подданства хивинских правителей, особенности их взаимоотношений, позиция российской имперской пограничной администрации в отношении этих ханов, их действий и их поддержки Хивой. Автор приходит к выводу, что претенденты на титул ханов Младшего жуза являлись лишь орудием влияния Хивинского ханства на отношения с Российской империей, причем не всегда надежным, что и приводило к неоднократным смещениям и даже устранением казахских вассалов Хивы.

Ключевые слова: Российская империя, Хивинское ханство, Казахская степь, Младший жуз, международные отношения в Центральной Азии XIX в., вассальные отношения.

---

¹ Первую часть см.: *Почекаев Р. Ю.* Хивинский фактор российско-казахских отношений в XVIII–XIX вв. Ч. 1: Казахские ханы на троне Хивы // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2021. № 4. С. 103–120.

UDC 94(47)063, 065, 066; 94 (574); 94 (575.1)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.10

Почекаев Роман Ю.

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
Higher School of Economics
Saint Petersburg, Russia
rpochekaev@hse.ru; ORCID: 0000-0002-4192-3528

THE KHIVAN FACTOR OF RUSSIAN-KAZAKH RELATIONS IN XVIIITH–XIXTH. PART II: KAZAKH KHANS AS VASSALS OF KHIVA

Abstract. The article is an analysis of status of Kazakh khans under sovereignty of the Khanate of Khiva in 1810s – 1870s. There is an attempt to clarify reasons of taking by Kazakh sultans of the subjection of Khiva rulers, specific features of their relations, position of the Russian imperial frontier authorities towards such khans, their activities and their support by Khiva. Author finds that pretenders for khan's title in the Junior Jhuz were no more than an instrument of influence of the Khanate of Khiva on the relations with the Russian Empire, moreover, untrustworthy instrument, and that reflected in often removals and even eliminations of Kazakh vassals of Khiva.

Keywords: Russian Empire, Kazakh Steppe, Junior Jhuz, Khanate of Khiva, international relations in the Central Asia of the XIX .

Введение. Статья является продолжением исследования о казахских ханах на троне Хивинского ханства в XVIII в.² Правда, в следующем столетии роли представителей казахской и хивинской элиты диаметрально образом поменялись: теперь уже не казахские ханы и султаны правили хивинской знатью, а ханы Хивы из узбекской династии Кунграатов, уступавшей казахским потомкам Чингисхана в знатности, стали сюзеренами правителей Казахской степи.

В исследовательской литературе имеются сравнительно краткие упоминания об этих ханах и их деятельности; как правило, историки уделяют внимание конкретным личностям³. Однако, насколько нам известно, до сих пор не предпринималось попыток охарактеризовать статус казахских ханов под властью Хивы в целом, особенности их взаимоотношений со своими сюзеренами, с российскими властями и между собой. Автор статьи кратко затрагивал эти вопросы в своих предыдущих публикациях⁴, продолжением которых является настоящее исследование.

² См.: Почекаев Р. Ю. Хивинский фактор российско-казахских отношений в XVIII–XIX вв. Ч. 1: Казахские ханы на троне Хивы // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2021. № 4. С. 103–120.

³ См., напр.: Ерофеева И. В. Символы казахской государственности: Позднее средневековье и Новое время. Алматы, 2001. С. 136–145; Избасарова Г. Б. Легитимация власти в Казахской степи в XIX веке. Поиск патрона: Хивинское ханство или Российская империя? (на примере судьбы султана Каипгали Ишимова) // Былые годы. 2020. Т. 58. № 4. С. 2385–2395.

⁴ Почекаев Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. С. 167–168; 217–218, 223–224; Его же. Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии: Турко-монгольский мир XIII – начала XX в. М., 2017. С. 195–196.

Ход и результаты исследования. Пожалуй, первым казахским вассалом Хивинского ханства стал Ширгази Каипулы (1817/1818–1819), потомок непризнанных российской администрацией ханов Младшего жуза Батыра (1748–1771) и Каипа (1786–1791). Поначалу он поддерживал претензии на ханский трон своего племянника Арингази (1816–1821), которые также не были признаны российскими властями, однако около 1818 г. при невыясненных обстоятельствах⁵ вступил с ним в конфликт и перекочевал со своими немногочисленными сторонниками в хивинские владения, где был признан в ханском достоинстве со стороны правителя Хивы — Мухаммада Рахима-хана I (1806–1825) из династии Кунгратов (Инаков)⁶.

Начиная с этого времени хивинские ханы стали регулярно практиковать поддержку ханских претензий казахских Чингизидов, признавая их правителями тех казахов, которые проживали в их владениях. Ширгази Каипулы положил начало целой династии таких ханов: после его смерти ханами хивинских казахов провозглашались его старший сын Джангази (Маненбай, 1819–1853), его сын Алла-Назар (1853–1859, 1861), его дядя Султангази Ширгазиев (1859–1861)⁷.

Причина признания Ширгази и его потомством сюзеренитета Хивы представляется очевидной: они принадлежали к той ветви казахских Чингизидов, которые изначально не имели шансов на то, чтобы получить признание в качестве ханов Младшего жуза, так как по договоренности с Абулхаиром российская имперская администрация обязалась поддерживать претензии на ханский трон только его прямых потомков, а Ширгази принадлежал к другой ветви казахского ханского рода. Соответственно, его перекочевка в Хиву и признание власти Кунгратов давали ему шанс добиться ханского достоинства хотя бы над сравнительно небольшим количеством казахов, проживавших в пределах Хивинского ханства. Вместе с тем какова была выгода самих правителей Хивы от появления у них вассальных казахских правителей?

Первая из выгод, как представляется, могла иметь идеологический характер, поскольку, как уже упоминалось, представители хивинской династии Кунгратов уступали потомкам Чингисхана в знатности и признании их власти казахскими Чингизидами способствовало легитимации их власти в глазах собственных подданных, а также других правителей тюрко-монгольского мира. Подтверждением такого предположения является регулярная практика заключения браков хивинских ханов с дочерьми своих казахских вассалов⁸. В результате таких браков хивинские Кунграты

⁵ Российский офицер-переводчик М.-Ш. Аитов, встречаясь в 1841 г. в Хиве с Джангази, сыном Ширгази, упомянул в разговоре с ним, что его отец «только сделавшись преступником, постыдно бежал из Оренбурга от бесчестия и наказания» (см.: *Залесов Н.* Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военный сборник. 1862. № 9. С. 77). Однако, в чем заключалось это «преступление», неизвестно.

⁶ *Ерофеева И. В.* Указ. соч. С. 136; *Темиргалиев Р. Д.* Казахи и Россия. М., 2013. С. 190. И. В. Ерофеева полагает, что уже ханы Болекей (1780–1808) и его сын Касым (1809–1827) являлись подданными хивинских ханов, см.: *Ерофеева И. В.* Указ. соч. С. 144. Однако, насколько нам известно, источники не сообщают об их зависимости от Хивы, поэтому они, вероятно, являлись просто провозглашенными, но не признанными российской администрацией ханами в подвластных им родоплеменных подразделениях Младшего жуза.

⁷ О слухах и событиях в Средней Азии. Т. 1. 20 апреля 1853 г. – 31 июля 1862 г.: сб. документов / сост. Б. Т. Жанаев. Караганда, 2016. С. 107.

⁸ См.: *Генс Г. Ф.* Из краткого исторического обозрения управления оренбургскими киргизами. 1844 г. / пред., подгот. публ. И. В. Ерофеевой // История Казахстана в документах

становились ханскими зятьями (гурганам), а их дети от таких браков являлись уже потомками Чингисхана — хотя бы и по женской линии.

Вторая выгода носила гораздо более прагматический характер: хивинским ханам необходимо было упорядочить систему управления казахами, которые проживали в их владениях. Дело в том, что в силу ряда причин российские и хивинские власти допускали свободную перекочевку пограничного населения Младшего жуза с территории Российской империи во владения Хивинского ханства и обратно. Со временем эта практика даже была закреплена в нормативном порядке: в 1856 г. в специальную инструкцию по управлению пограничной Сырдарьинской линией, утвержденной лично императором Александром II, было включено положение, подтверждавшее право «прилинейных киргизов» свободно пересекать границу и даже оставаться на постоянное жительство в Хивинском ханстве, а российские власти не должны были требовать от Хивы их выдачи, за исключением случаев, когда перекочевывавшие казахи обвинялись в преступлениях⁹.

Неудивительно, что на территории ханства появилось довольно много казахов, недовольных российской административной политикой в Младшем жузе. Однако, как правило, это были небольшие группы представителей разных родов и племен (поколений), не всегда дружно уживавшихся между собой. Хивинские ханы пытались расселить их среди других своих кочевых подданных — каракалпаков — и даже подчинить управлению каракалпакских же биев¹⁰, однако эта система по вполне понятным причинам оказалась неэффективной.

Именно поэтому и было принято решение поставить над казахскими подданными Хивы их «природных ханов». Решение было весьма удачным: согласно степным политическим традициям, казахские потомки Чингисхана не принадлежали ни к одному родоплеменному подразделению¹¹ и, соответственно, их власть готовы были признавать все представители многочисленных родов и племен, нашедшие прибежище в хивинских владениях и не желавшие признавать властные претензии ни каракалпакских биев, ни кого-либо из собственных старшин, в ущерб таким же предводителям других родовых подразделений. Российские чиновники, собиравшие информацию о казахских ставленниках Хивы, неоднократно подчеркивали, что последние управляли именно разными родоплеменными подразделениями киргизов.

Таким образом, в конце 1810-х гг. у ханов Хивы появляются собственные вассалы-Чингизиды, под власть которых были переданы хивинские казахи. Каков был статус этих вассалов?

Прежде всего, они приобретали ханское достоинство на основе ярлыка (фирмана) хивинского правителя. В соответствии с тюрко-монгольскими традициями новый

и материалах / отв. ред. Б. Т. Жанаев. Вып. 1. Алматы, 2011. С. 84; Ерофеева И. В. Указ. соч. С. 136, 143; *Избасарова Г. Б.* Легитимация власти в Казахской степи в XIX веке. С. 2391–2392.

⁹ См.: *Васильев Д. В.* Рождение империи. Юго-Восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб., 2020. С. 502.

¹⁰ *Данилевский Г. И.* Описание Хивинского ханства // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 5. СПб., 1851. С. 95; *Ниязматов М.* Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб., 2010. С. 110–111.

¹¹ *Султанов Т. И.* Рождение казахской государственности. История Казахского ханства. Алматы, 2011. С. 124.

фирман выдавался хивинским ханом в случае смерти казахского вассала его преемнику, а если умирал сам властитель Хивы, то его наследник на троне выдавал казахскому вассальному правителю подтверждающий ярлык.

В вассальные обязанности казахских Чингизидов входило управление казахами, проживавшими на территории Хивинского ханства, поддержание среди них порядка, улаживание споров и разногласий, а также сбор налогов в пользу хивинской казны. Вассальные правители должны были также участвовать со своими подданными в военных предприятиях хивинских ханов.

Однако Кунграты были заинтересованы отнюдь не во власти вассалов-чингизидов над сравнительно немногочисленными казахами, проживавшими в хивинских пределах. В гораздо большей степени они делали ставку на связи этих казахских ханов с Младшим жузом, на территории которого продолжали проживать их многочисленные родичи, а также роды и племена, которые из поколения в поколение признавали власть семейств, к которым принадлежали ханы — вассалы Хивы. Поскольку и в XIX в. спор между Россией и Хивой о власти над Младшим жузом не был улажен, вассалы-чингизиды становились весьма сильным козырем хивинских ханов в их претензиях на контроль над казахами Младшего жуза. Таким образом, главной обязанностью казахских ханов, признававшихся хивинскими властями, являлось всемерное содействие переходу населения Младшего жуза под контроль Хивы.

Достигать этого им предлагалось разными способами: прямой агитацией в пользу хивинских Кунгратов в родоплеменных подразделениях, подконтрольных российской пограничной администрации; сбором с этих подразделений закята в пользу Хивы; призывами к перекочевке в хивинские пределы. Если же эти методы не приводили к успеху, оставалась крайняя мера — вооруженные набеги на пророссийски настроенные роды и племена. Все эти средства в полной мере были использованы казахскими ставленниками Хивы¹², что, конечно, никоим образом не способствовало нормализации русско-хивинских и казахско-хивинских отношений.

А что получали сами вассальные казахские ханы от Хивы, кроме призрачной ханской власти над небольшим количеством подданных? Пожалуй, главной выгодой стало предоставление им хивинскими властителями права собирать торговые пошлины на территории, где проживали подвластные им казахи. В зависимости от того, чей это был караван, такой хан-вассал мог довольствоваться обычной пошлиной (2,5 %), двойной (десятина), либо же вообще подвергнуть караван разграблению. Единственным условием, при котором хивинские ханы закрывали глаза на подобные действия своих вассалов, являлось выделение значительной доли добычи самому правителю Хивы¹³.

Впрочем, даже эта привилегия казахских вассалов Хивы имела определенные ограничения. Так, председатель Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генс писал, что хан Джангази «уполномочен собирать дань с проходящих караванов,

¹² См.: *Байхожаев А.* Судьба правителей двух родов в свете русско-хивинской политики в 40–60 гг. XIX в. (к вопросу о гибели Жанхожи Нурмухаммедова) // Поиск. Серия гуманитарных наук. 1999. № 2. С. 53; Генс Г. Ф. Указ. соч. С. 84; *Добросмыслов А. И.* Тургайская область (Исторический очерк) // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 17. Тверь, 1902. С. 283.

¹³ Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича) / отв. ред. Н. А. Халфин; вступ. ст. и коммент. В. Г. Воловникова и Н. А. Халфина. М., 1983. С. 30.

если на ту пору не случится хивинских закятчиев»¹⁴. Хивинские же сборщики налогов участвовали и в попытках ханов-вассалов собирать закят с населения Младшего жуза в пользу Хивы, постоянно злоупотребляя своими полномочиями и фактически грабя казахов¹⁵. Таким образом, при возникновении противоречий между казахскими вассальными ханами и хивинскими чиновниками у последних было больше возможностей разрешить таковые в свою пользу. Неслучайно один из ханов-вассалов, Иликей Касымов (Ермухаммад Касымулы, 1844/1845–1852), даже принял участие в придворном заговоре с целью смещения главного хивинского сборщика-закятчи Ходжа-Нияз-бия, но заговор кончился провалом и пострадал сам же хан¹⁶.

Кроме того, нельзя не обратить внимания, что сообщение русского военного и дипломата Г. И. Данилевского о том, что казахи Хивинского ханства были подвластны каракалпакским биям, относится ко времени посещения им Хивы, т. е., к 1842 г.¹⁷ Следовательно, даже в это время ханы-вассалы не обладали всей полнотой власти над всеми казахами, проживавшими в хивинских пределах. Несомненно, хивинские Кунграты не доверяли своим казахским вассалам и совершенно не собирались передавать им полный контроль над достаточно активными и воинственными представителями казахских родов и племен в своих владениях. И, надо сказать, у них были на это определенные основания.

Так, хан Алла-Назар, представитель уже третьего (!) поколения казахских вассалов Хивы, в середине 1850-х гг. вступил в переговоры с заведующим присырдарьинскими казахами И. Я. Осмоловским о переходе с подвластными ему людьми в российское подданство. Причиной тому послужило то, что после смерти в 1853 г. его отца Джангази Ширгазиулы его собственные дядья — Умаргази и Султангази — не признали назначения ханом своего племянника и сами стали бороться за ханский титул, а хивинский хан Мухаммад-Амин II (1846–1855) не выказал однозначной поддержки именно Алла-Назару. В результате сначала, в 1854 г., последний прислал представителю российских властей — сотнику Бикмурзе Алдееву — «ножик с вызолоченными ножнами, атрибут ханского достоинства в знак того, что он отказывается от этого звания и желает вступить в подданство России», а в 1856 г. лично прибыл к И. Я. Осмоловскому для переговоров. Только после этого хивинский хан официально утвердил Алла-Назара в качестве «хана западных казахов»¹⁸.

Как видим, хивинские ханы старались ограничивать властные полномочия своих казахских вассалов не только путем вмешательства хивинских чиновников в их дела, но и поддерживая разлад в самом ханском семействе.

Тем не менее даже тот факт, что можно было выбирать кандидатов в ханы только из одного рода, по-видимому, беспокоил Кунгратов. Неслучайно уже с 1820-х гг. они начинают поиск альтернативных кандидатов в вассальные правители подвластных им казахов.

В 1824 г. оренбургский военный губернатор П. К. Эссен провел в Младшем жузе реформу управления, результатом которой стало официальное упразднение в нем

¹⁴ Генс Г. Ф. Указ. соч. С. 84.

¹⁵ См., напр.: Байхожаев А. Указ. соч. С. 54.

¹⁶ Записка младшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии Искандера Батыршина о Хивинском ханстве и хане присырдарьинских казахов Ермухаммеде (Иликее) Касымове // История Казахстана в русских источниках. Т. VI. Алматы, 2007. С. 302–303.

¹⁷ Данилевский Г. И. Указ. соч. С. 134.

¹⁸ О слухах и событиях в Средней Азии. С. 107, 197–198.

ханской власти. Ширгази Айшуаков, последний хан из рода Абулхаира, признававшийся российскими властями (1812–1824) должен был стать «первоприсутствующим» в Оренбургской пограничной комиссии на жаловании¹⁹. Будучи недоволен реформой, в 1825 г. Ширгази бежал под покровительство хивинского хана, и в 1827 г. был провозглашен несколькими родоплеменными подразделениями хивинских казахов своим ханом, а затем утвержден фирманом хивинского хана Алла-Кули (1825–1842). Так появился первый хивинский ставленник-вассал, не связанный с родом Ширгази Каипулы²⁰.

По замыслу Алла-Кули новый хан, благодаря своему прежнему правлению в Младшем жузе, должен был сохранить влияние над прежними подданными и, соответственно, обеспечить их переход под власть Хивы. В течение нескольких лет Ширгази старался склонить на свою сторону казахов Младшего жуза, но не преуспел, поскольку и в прежние времена не пользовался среди них влиянием²¹. К 1830 г. Алла-Кули (к этому времени женатый на дочери казахского хана) практически перестал поддерживать свою новую креатуру, и Ширгази обратился к российским властям за позволением вернуться в пределы империи, каковое и было дано. Больше на ханский титул он не претендовал до самой смерти в 1845 г.²²

Прецедент с назначением «альтернативного» хана тем не менее показался хивинским властям удачным способом контроля над своими казахскими вассалами, и эта практика была продолжена. В 1837 г. тот же хан Алла-Кули своими фирманами утвердил сразу двух ханов из рода Абулхаира — Каипгали Ишимова (1830–1850) и Саукыма Болекеева (1837–1844). После смерти последнего, в 1845 г., хивинский хан Рахим-Кули (1842–1846) назначил на его месте его племянника — вышеупомянутого Иликея Касымова²³. Отметим, что все эти назначения происходили при наличии законного хана всех западных казахов — Джангази Ширгазиева!

Не приходится удивляться, что эти ставленники хивинских ханов совершенно не переносили друг друга, что порой создавало проблемы и самим их сюзеренам. Так, когда в 1847 г. хивинские власти отправили войска в набег на пограничные российские владения (в отместку за возведение Раимского укрепления на Сырдарье), разногласия между командовавшими ими Джангази Ширгазиевым и Иликеем Касимовым стали одной из причин поражения хивинцев²⁴. Когда в 1841 г. в Хиву прибыло российское посольство во главе с капитаном П. Никифоровым, при обсуждении привезенного им мирного договора хан Каипгали Ишимов выступал за принятие русских условий, а тот же Джангази Ширгазиев против, чтобы не соглашаться с конкурентом²⁵.

¹⁹ *Избасарова Г. Б.* Шергазы Айшуаков — последний хан Младшего жуза казахов // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 105.

²⁰ *Добросмыслов А. И.* Указ. соч. С. 282; *Ерофеева И. В.* Указ. соч. С. 133.

²¹ Неслучайно даже российские власти назначили ему хана-соправителя — его двоюродного брата Букея (1812–1815), а казахи отдельных родоплеменных подразделений в противовес российскому ставленнику выбирали собственных ханов, в частности вышеупомянутых Касыма и Арингази.

²² Исследователи, впрочем, обращали внимание, что подчиненные ему казахи продолжали «по инерции» титуловать его ханом, см., напр.: *Добросмыслов А. И.* Указ. соч. С. 293.

²³ *Ерофеева И. В.* Указ. соч. С. 141, 144–145; О слухах и событиях в Средней Азии. С. 648–649; *Темиргалиев Р. Д.* Указ. соч. С. 221.

²⁴ *Аничков И. В.* Киргизский герой Джанходжа Нурмухаммедов: (очерк из первых шагов русских на Сыр-Дарье). Казань, 1894. С. 5–6.

²⁵ *Залесов Н.* Указ. соч. С. 78.

Впрочем, не только воля хивинских ханов, основанная на их недоверии к вассальным Чингизидам, была причиной этих одновременных назначений. Несмотря на традиционный авторитет потомков Чингисхана в Казахской степи, те или иные родоплеменные подразделения могли не признавать конкретных претендентов на ханскую власть. Например, когда Алла-Кули вознамерился возвести в ханы над несколькими родами Каипгали, бий рода шекты Отарали Чарынчугаев заявил, что «султан Каип-Гали Ишимов как беглец не достоин занимать сию должность, тем более что сам он, кочуя с киргизами, занимающимися обычно хищничеством, потворствует им в том, а потому ни повиновения, ни почтения к таковому правителю киргизы оказывать не будут»²⁶. Вероятно, именно поэтому был выдвинут в ханы его родственник Саукым²⁷. Неудивительно, что представители разных казахских родов и племен, номинально или фактически подчинявшихся разным ставленникам хивинских монархов, постоянно враждовали между собой, а также с другими кочевыми подданными Хивы (туркменами, каракалпаками), совершая грабительские набеги друг на друга и порой даже доводя дело до открытых военных столкновений²⁸.

Зависимость казахских ханов от правителей Хивы проявлялась не только в том, что они утверждались их фирманами: назначенный хивинским ханом вассал-Чингизид в любой момент мог лишиться ханского достоинства, свободы и даже жизни — благо сами же казахские ханы давали для этого немало поводов.

Так, в Казахской степи распространялись слухи, что уже первый ставленник хивинского хана во главе всех западных казахов Ширгази Каипов мог быть отравлен по тайному указанию из Хивы²⁹. Его тезка Ширгази Айшуаков в 1830 г., по-видимому, был также лишен ханского титула фирманом хивинского правителя после того, как вернулся в российские владения.

В 1849 г. хан Иликей был арестован по подозрению в сношениях с Бухарским эмиратом и заключен в тюрьму, откуда смог сбежать только в начале 1852 г.³⁰ Около 1850 г. его родственник Каипгали Ишимов был лишен ханского титула за то, что не оправдал надежд хивинских властей на переход в их подданство казахов Младшего жуза, и, лишившись должности и доходов, жил в Хиве в бедности до самой смерти в 1857 г.

Трагически закончилось правление и представителей «первой династии» казахских вассалов Хивы. В 1859 г. Алла-Назар Джангазиев лишился ханского титула из-за того, что не смог пресечь постоянные конфликты между его подданными и другими казахскими объединениями³¹. На смену ему пришел его дядя Султангази, уже много лет «подсидивавший» племянника, который, однако, не только не сумел решить эту проблему, но и сам

²⁶ Цит. по: *Избасарова Г. Б.* Легитимация власти в Казахской степи в XIX веке. С. 2391.

²⁷ В ряде случаев хивинские ханы своими ярлыками передавали власть над тем или иным казахским родоплеменным объединением непосредственно их родовым правителям — биям, — которые таким образом подчинялись напрямую Хиве, а не ханам-вассалам (см., напр.: *Ижанов З.* Мангышлак 1847–1920 гг.: сб. архивных документов. 2-е изд. / сост. Д. Ижанова. Алматы, 2016. С. 19–20).

²⁸ См.: О слухах и событиях в Средней Азии. С. 424, 537, 573 и др.

²⁹ *Ерофеева И. В.* Указ. соч. С. 136.

³⁰ Записка младшего переводчика... С. 304.

³¹ Причиной его смещения также могли стать и вышеупомянутые переговоры с имперскими пограничными властями о возможности перехода в российское подданство, а также факт его избрания, хотя и на короткое время, ханом каракалпаков во время их возмущения против хивинских властей в 1859 г. (см.: О слухах и событиях в Средней Азии. С. 421).

активно участвовал в межплеменных столкновениях и набегах. За это хивинский хан Сейид-Мухаммад (1856–1864) «вытребовал к себе хана Султана в Хиву и, оставаясь недовольным за таковые его поступки, приказал своему кошбегию дать ему для отравления яд, что и было исполнено. Султан от этого яда помер, и при нем бывшие 8 человек киргизов тоже померли». Алла-Назар, узнав о смерти дяди, подкупил нескольких хивинских придворных сановников и, заручившись их поддержкой, вновь обратился к хивинскому правителю, чтобы тот вернул ему ханский титул. Однако представитель Кунгратской династии остался верен политике своих предшественников: не отказав прямо, он тем не менее не издал соответствующего ярлыка-фирмана. Напротив, он постарался разделиться с племянником так же, как и с дядей: по сведениям войскового старшины Карамышева, полученных от информаторов из Хивы, «Султан Назар, который после смерти Султана хотя был у хана Сеид-Мухамеда получить должность ханства над даукаринцами, но хан не согласился, и будто бы и ему дан яд, отчего в настоящее время болен»³².

Неопределенность судеб казахских вассалов Хивы неоднократно заставляла последних задумываться о том, чтобы сменить покровителя. Вышеприведенные примеры с обращением Ширгази Айшуакова и Алла-Назара к российским властям не единственные: точно так же обращались к имперской администрации и другие ханы, чем активно пользовались пограничные власти.

Весьма показателен случай с российским офицером и дипломатом М.- Ш. Аитовым, который в составе посольства П. Никифорова прибыл в Хиву, где должен был остаться в качестве постоянного дипломатического представителя — агента. Он сумел организовать встречу с предводителями хивинских казахов, среди которых были и два хана-конкурента — Джангази и Каипгали, — к которым он обращался с предложением вернуться в российское подданство. При этом он использовал не только аргумент об их прежнем проживании в российских владениях, но и тот факт, что... их предки в XVIII в. сами правили Хивой, а теперь их потомки позволяют Кунгратам распоряжаться собой!³³ Вполне объяснимо, что хивинские власти старались по возможности либо предотвращать такие встречи своих вассалов с представителями российских властей, либо организовывать их под собственным жестким контролем³⁴.

Впрочем, как раз Джангази и Каипгали, как уже было сказано, окончили свои дни в хивинских владениях (как, по всей видимости, и Алла-Назар). Зато несколько других правителей всех западных казахов воспользовались возможностью, которую им предоставляла российская администрация. Так, хан Иликей Касымов не только сам бежал из Хивы в Россию и сумел поступить на имперскую службу, но и его семейство (которое хивинские власти взяли в заложники, требуя, чтобы беглец вернулся) впоследствии было выкуплено по распоряжению оренбургского и самарского генерал-губернатора В. А. Перовского³⁵. Той же дорогой пошли и несколько других последних ставленников хивинских ханов во главе присырдарьинских казахов.

³² О слухах и событиях в Средней Азии. С. 573, 578.

³³ Залесов Н. Указ. соч. С. 76–77; Терентьев М. И. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1906. С. 187–188.

³⁴ Записки о Бухарском ханстве. С. 30.

³⁵ Документы о взаимоотношениях казахов с сопредельными государствами и народами в XVIII – первой половине XIX века / подгот. публ. И. В. Ерофеевой, Б. Т. Жанаева // История Казахстана в документах и материалах: альманах. Вып. 3. Караганда, 2013. С. 69–70, 81–82; Терентьев М. И. Указ. соч. С. 195.

Надо сказать, что после того как «первая династия» казахских вассалов-чингизидов в начале 1860-х гг. фактически прекратила свое существование, хивинские ханы, по-видимому, решили отказаться от практики назначения новых ханов. И лишь очередной виток обострения отношений с Российской империей на рубеже 1860–1870-х гг. привел к временной «реанимации» этого института. Однако, как представляется, назначение новых ханов-вассалов носило не столько стратегический, сколько ситуативный характер: на это указывает довольно неожиданный подбор кандидатов.

Первым из них стал султан Садык — сын знаменитого Кенесары (1836–1847), который в историографии считается последним ханом, признававшимся казахами всех жузов. Однако российские власти считали его мятежником и узурпатором. Садык прожил весьма бурную жизнь, участвуя в политических событиях самых разных государств Центральной Азии — от Восточного Туркестана до Хивинского ханства. После службы правителям Коканда и Бухары, около 1869 г., он прибыл к Кунгратам и, согласно его же воспоминаниям, хивинский хан Мухаммад-Рахим II (1864–1910) сделал его «начальником над подчиненными ему кочевниками, киргизами и каракалпаками», и он четыре года провел в ханстве, «начальствуя над всеми киргизами Хивинского ханства»³⁶. Отметим, впрочем, два нюанса: во-первых, Садык вообще не имел отношения к Младшему жузу, являясь членом семейства ханов Среднего жуза; во-вторых, даже сам он не утверждал, что был возведен в ханское достоинство.

Причиной тому стало появление в Хиве примерно в то же время представителя ханской династии Младшего жуза — Хангали Арсланова, — который, по-видимому, и стал последним ставленником хивинских властей в качестве хана западных казахов (1869–1871). Выбор представителя правящего рода, близкого хивинским казахам, безусловно, выглядел более обоснованным. Любопытно отметить обстоятельства появления султана Хангали в Хиве. Он принадлежал к роду Абулхайра, его дед Джанторе, брат Ширгази Айшуакова, был ханом Младшего жуза (1805–1809), а отец, Арслан Джантюрин, — султаном-правителем средней части этого жуза (1841–1855) после ликвидации ханской власти. Сам Хангали с юных лет находился на имперской службе и характеризовался как «молодой человек, обещающий быть со временем весьма полезным орудием правительства»³⁷. Уже в 1857 г., в 23-летнем возрасте, он стал помощником султана-правителя средней части Младшего жуза Мухамеджана Баймухамедова (1855–1869), но вследствие его интриг отстранен от службы. После реформы 1868 г., в ходе которой были отменены султанские должности, а Казахская степь разделена на волости, Хангали принял участие в выборах волостных депутатов, в результате чего против него началось следствие по обвинению в выдвигании на должности своих родственников. Не дожидаясь результатов следствия, он бежал в Хиву.

Вероятно, хивинский хан был готов в противостоянии с русскими использовать любые возможности, поэтому при назначении хана-вассала его не смутила даже прежняя служба кандидата Российской империи. Желая прочно привязать к себе перебежчика, Мухаммад-Рахим II, как сообщает хивинский историк Агахи, «оказал милость,

³⁶ *Кенесарин А.* Султаны Кенесара и Садык / прим. Е. Т. Смирнова. Ташкент, 1889. С. 66.

³⁷ История Казахстана в русских источниках. Т. VIII. Ч. 2: О почетнейших и влиятельнейших ордынцах. Алматы, 2006. С. 263.

отвел участок земли и назначил ему щедрое содержание»³⁸. Однако, по-видимому, доверия новый хан у хивинских властей так и не обрел: в 1871 г. он был смещен с должности и отправлен в город Ходжейли под надзор местного бия, где находился вплоть до похода туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана на Хиву в 1873 г. Узнав о приближении русских войск, он явился в Оренбургский отряд под командованием генерал-лейтенанта Н. А. Веревкина и «принес самую существенную пользу отряду», после чего получил прощение за свое бегство в Хиву по личному распоряжению императора Александра II³⁹.

Что касается Садыка Кенесарина, которому хивинский хан так беспардонно предпочел беглеца из Младшего жуза, то он противостоял русским войскам вплоть до окончательной капитуляции Хивинского ханства: участники похода в своих записках не раз упоминали «известного степного разбойника Садыка», беспокоившего их набегами⁴⁰. Затем он вновь перебрался в Восточный Туркестан и лишь в конце 1877 г. сдался российским властям⁴¹. Таким образом, хронологически именно этот выходец из Среднего жуза стал последним правителем-вассалом казахов во владениях Хивинского ханства, хотя самого ханского титула, по-видимому, так и не получил.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, практика назначения казахских ханов-вассалов под сюзеренитетом Хивинского ханства была довольно длительной — более полувека — и позволяла решать проблемы как внутреннего (упорядочение отношений хивинско-подданных казахов), так и внешнего (набеги на российские границы, привлечение казахов Младшего жуза в хивинское подданство, взимание с них налогов и пр.) характера.

Во-вторых, сами хивинские ханы не доверяли своим ставленникам-чингизидам и старались ограничивать их власть путем противопоставления хивинским чиновникам либо назначения сразу нескольких ханов-вассалов. Кроме того, имели место случаи смещения и даже физического устранения казахских ханов.

В-третьих, деятельность ханов-вассалов оказалась далеко не столь эффективной, как надеялись хивинские сюзерены. Ни одному из ханов всех западных казахов не удалось привлечь на свою сторону значительное число населения Младшего жуза, напротив, их действия против прорусски ориентированных родоплеменных подразделений вызывали гнев последних и их консолидацию в противостоянии хивинским ставленникам⁴².

Последний вывод также наводит на мысль о том, что к середине XIX в. в Младшем жузе произошла значительная аккультурация местного населения, которое прежнему традиционному правлению и образу жизни с его межклановым соперничеством,

³⁸ Цит. по: *Бартольд В. В.* События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1963. С. 406–407. В этом сочинении Хангали Арсланов фигурирует под именем Хатим-тюри или Арслан-тюри.

³⁹ О слухах и событиях в Средней Азии. С. 679, 684–688.

⁴⁰ См., напр.: Описание действий туркестанского отряда в хивинскую экспедицию 1873 года / под ред. В. Н. Троицкого. Ташкент, 1882. С. 156.

⁴¹ См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Султан Садык в борьбе среднеазиатских ханств против Российской империи // Вопросы истории. 2017. № 5. С. 111–122.

⁴² См. также: *Мейер Л.* Киргизская степь оренбургского ведомства. СПб., 1865. С. 65; *Шоинбаев Т. Ж.* Восстание сыр-дарьинских казахов под руководством батыра Джанхожи Нурмухамедова (1856–1857 гг.). Алма-Ата, 1949. С. 32–33, 38.

грабительскими набегами и злоупотреблениями чиновничества предпочло более стабильное существование в составе Российской империи даже после утраты ряда традиционных институтов власти и управления (включая ханскую, а затем и султанскую власть). В этих условиях притягательность Хивинского ханства как последнего оплота «чингизидских» традиций⁴³ сохранялась лишь для небольшой части правящей элиты, представители которой любым способом стремились реализовать свои права на ханский трон. Тем не менее многие из них со временем утратили свои иллюзии и пошли на мировую с российской администрацией⁴⁴.

Литература

1. Байхожаев А. Судьба правителей двух родов в свете русско-хивинской политики в 40–60 гг. XIX в. (к вопросу о гибели Жанхожи Нурмухаммедова) // Поиск. Серия гуманитарных наук. 1999. № 2. С. 52–58.
2. Бартольд В. В. События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка // Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1963. С. 400–413.
3. Васильев Д. В. Рождение империи. Юго-Восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.
4. Генс Г. Ф. Из краткого исторического обозрения управления оренбургскими киргизами. 1844 г. / пред., подгот. публ. И. В. Ерофеевой // История Казахстана в документах и материалах / отв. ред. Б. Т. Жанаев. Вып. 1. Алматы: LEM, 2011. С. 72–95.
5. Ерофеева И. В. Символы казахской государственности (Позднее средневековье и Новое время). Алматы: Аркаим, 2001. 152 с.
6. Избасарова Г. Б. Легитимация власти в Казахской степи в XIX веке. Поиск патрона: Хивинское ханство или Российская империя? (На примере судьбы султана Каипгали Ишимова) // Былые годы. 2020. Т. 58. № 4. С. 2385–2395.
7. Избасарова Г. Б. Шергазы Айшуаков — последний хан Младшего жуза казахов // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 98–107.
8. Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 496 с.
9. Почекаев Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: ИД Высшей школы экономики, 2017. 384 с.
10. Почекаев Р. Ю. Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии: Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в. М.: ИД Высшей школы экономики, 2017. 366 с.
11. Почекаев Р. Ю. Султан Садык в борьбе среднеазиатских ханств против Российской империи // Вопросы истории. 2017. № 5. С. 111–122.
12. Почекаев Р. Ю. Хивинский фактор российско-казахских отношений в XVIII–XIX вв. Ч. 1: Казахские ханы на троне Хивы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2021. № 4 (44). С. 103–120.
13. Султанов Т. И. Рождение казахской государственности. История Казахского ханства. Алматы: Мектеп, 2011. 160 с.
14. Темиргалиев Р. Д. Казахи и Россия. М.: Международные отношения, 2013. 352 с.
15. Шоинбаев Т. Ж. Восстание сырдарьинских казахов под руководством батыра Джанхожи Нурмухамедова (1856–1857 гг.). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1949. 106 с.

⁴³ См.: Избасарова Г. Б. Легитимация власти в Казахской степи в XIX веке. С. 2393. Ср.: Темиргалиев Р. Д. Указ. соч. С. 207.

⁴⁴ Примечательно, что ближайшие родственники и даже дети хивинских вассалов могли проживать в российских владениях, см., напр.: История Казахстана в русских источниках. С. 134–135.

References

1. Baykhozhaev A. Sud'ba pravitelei dvukh rodov v svete russko-khivinskoi politiki v 40–60 gg. XIX v. (k voprosu o gibeli Zhankhozhi Nurmukhammedova) [The fortune of to chiefs of clans in the light of Russian-Khivan policy of 1840s–1860s (On the death of Djankhoja Nurmukhamedov)] // Poisk. Seriiia gumanitarnykh nauk. 1999. № 2. P. 52–58. (In Russ.).
2. Bartol'd V. V. Sobytiia pered khivinskim pokhodom 1873 goda po rasskazu khivinskogo istorika [Developments before the Khivan raid of 1873 according to Khivan historian] // Sochineniia [Collected works]. Vol. II. Part 2. M.: Nauka, 1963. P. 400–413. (In Russ.).
3. Vasil'ev D. V. Rozhdenie imperii. Iugo-Vostok Rossii: XVIII – pervaiia polovina XIX v. [The birth of the empire. South-East of Russia: XVIIIth – first half of XIXth]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2020. 608 p. (In Russ.).
4. Gens G. F. Iz kratkogo istoricheskogo obozreniia upravleniia orenburgskimi kirgizami. 1844 g. [From the brief review of Orenburg Kyrgyz administration] / pred., podgot. publ. I. V. Erofeevoi // Istoriiia Kazakhstana v dokumentakh i materialakh [History of Kazakhstan in the documents and materials] / otv. red. B. T. Zhanaev. Issue 1. Almaty: LEM, 2011. P. 72–95 (In Russ.).
5. Erofeeva I. V. Simvoly kazakhskoi gosudarstvennosti (Pozdnee srednevekov'e i Novoe vremia) [Symbols of the Kazakh statehood (Middle Ages and Modern Age)]. Almaty: Arkaim, 2001. 152 p. (In Russ.).
6. Izbasarova G. B. Legitimatitsiia vlasti v Kazakhskoi stepi v XIX veke. Poisk patrona: Khivinskoe khanstvo ili Rossiiskaia imperiia? (Na primere sud'by sultana Kaipgali Ishimova) [Legitimization of power in the Kazakh steppe in the XIX century. Search for the cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (By the example of the fate of sultan Kaipgali Ishimov)] // Bylye gody. 2020. T. 58. № 4. P. 2385–2395. (In Russ.).
7. Izbasarova G. B. Shergazy Aishuakov — poslednii khan Mladshego zhuza kazakhov [Shergazy Aishuakov — the last khan of the Junior Jhuz of Kazakhs] // Voprosy istorii. 2016. № 11. P. 98–107.
8. Niiazmatov M. Poisk konsensusa. Rossiisko-khivinskie geopoliticheskie otnosheniia v XVI – nachale XX v. [In search of consensus. Russian-Khivan geopolitical relations in XVIth – beginning of XXth]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2010. 496 p. (In Russ.).
9. Pochekaev R. Iu. Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and khans. Personal factor of the legal policy of the Russian Empire in the Central Asia: XVIIIth – beginning of XXth]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2017. 384 p. (In Russ.).
10. Pochekaev R. Iu. Legitimatitsiia vlasti, uzurpatorstvo i samozvanstvo v gosudarstvakh Evrazii: Tiurko-mongol'skii mir XIII – nachala XX v. [Legitimacy of power, usurpers and impostors in the states of Eurasia: Turcic-Mongol world of the XIII – early XX century]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2017. 366 p. (In Russ.).
11. Pochekaev R. Iu. Sultan Sadyk v bor'be sredneaziatskikh khanstv protiv Rossiiskoi imperii [Sultan Sadyk in the struggle of the Central Asian khanates against the Russian Empire] // Voprosy istorii. 2017. № 5. P. 111–122. (In Russ.).
12. Pochekaev R. Iu. Khivinskii faktor rossiisko-kazakhskikh otnoshenii v XVIII–XIX vv. Ch. 1: Kazakhskie khany na trone Khivy [The Khivan factor of Russian-Kazakh relations in XVIIIth – XIXth. Pt. I: Kazakh khans on Khiva and the point of Russia] // MCU Journal of Historical Studies. 2021. № 4 (44). P. 103–120. (In Russ.).
13. Sultanov T. I. Rozhdenie kazakhskoi gosudarstvennosti. Istoriiia Kazakhskogo khanstva [The origin of Kazakh statehood. History of the Kazakh Khanate]. Almaty: Mektep, 2011. 160 p. (In Russ.).
14. Temirgaliev R. D. Kazakhi i Rossiia [Kazakhs and Russia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2013. 352 p. (In Russ.).
15. Shoinbaev T. Zh. Vosstanie syrdar'inskikh kazakhov pod rukovodstvom batyra Dzhanhozhi Nurmukhamedova (1856–1857 gg.) [Rebellion of Syrdarya Kazakhs headed by Djankhoja Nurmukhamedov (1856–1857 gg.)]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1949. 106 p. (In Russ.).